

Леонидов 10

1985/VI

9 ИЮН 1985

КРАСНАЯ ЗВЕЗДА

ТОЛЬКО что закончился спектакль МХАТа «Волею судьбы». Занавес, подчиняясь воле аплодирующего зала, раздвигался снова и снова. Видимо, прав был поэт, утверждая, что концерт для артиста кончается, ну а зритель живет еще им. Сильная, высокохудожественная вещь — будь то картина, роман, спектакль — может долго не «отпускать» человека, продолжая в нем свою духовную работу.

Этот спектакль, как известно, об обороне Москвы — одной из самых героических и драматических страниц истории Великой Отечественной. И инсценировка хроники Александра Бека в батальонном своем масштабе и временных рамках действия в несколько дней дает тем не менее довольно глубокое и яркое представление о характере боев под столицей, заставляет зрителя активно переживать события более чем 40-летней давности.

Среди артистов, удерживаемых аплодисментами зрителей на сцене, выделялась высокая, подтянутая фигура народного артиста РСФСР Юрия Леонидова, сыгравшего роль заместителя командующего армией генерал-лейтенанта Звягина. Он стоял у самой рампы, чуть впереди своих коллег, и, казалось, все еще продолжал глядеть в те грозные события. И это место, подумалось мне, определялось не только ролью старшего по должности и воинскому званию среди действующих лиц, но и признанием мастерства исполнителя.

В образе, созданном Леонидовым, подкупали правдивость, чистота рисунка, бросающиеся в глаза проявления военного профессионализма. Оно присутствовало и в строгом выдерживании обязательной армейской субординации, и в интонационном строе его речи, и в строевой подтянутости. Словом, на сцене жил, действовал человек подчеркнутый военный, генерал. И эта армейская его сущность никак не казалась наигранной, напетитованной.

— Я бы, пожалуй, не взялся за роль Звягина, — говорит Юрий Леонидович, — не имея за душой фронтового опыта.

Правда, на войне я прошел путь только от рядового до сержанта, командира расчета. Но как война пропустила меня через себя в самое трудное для страны время, так и я пропустил ее через свое сердце. Летом 1941 года мы — несколько комсомольцев из оперно-драматической сту-

храниость. Есть в обязанностях апаменщика, так сказать, парадная функция — вынос Знамени. Но главное не в этом. Главное — он его часовой, он в трудный момент должен быть с развернутым стягом впереди других. Ипотом, уже в любом деле, тоже, уверен, будет стремиться

людей. Верится, он не подвел бы меня, оправдал такое предположение в развитии своего характера. В работе над этим образом помогло знание войны, поведения в ней человека. Ведь личный опыт в актерском труде всегда играет большую роль.

— К такому же выводу

тую землянку. Громких слов не говорили, но одна фраза считалась все же обязательной: хочу бить врага коммунистом. Позже, в 1969 году, листая книгу Бориса Полевого «В конце концов», я прочитал слова, вернувшие память к тому и поныне знаменательному в моей судьбе

нашей страны, один из факторов Победы. Народ и партия слиты воедино, неотделимы друг от друга. Так было в то нелегкое время. Так будет и впредь. Об этом следовало бы задуматься тем, кто пытается ослабить морально-политическое единство советского народа, вынашивает бредовые идеи достижения превосходства над нами. Тщетные потуги!

— Вы сыграли, Юрий Леонидович, более пятидесяти ролей. Расскажите, пожалуйста, о первой из них. И — о любимой тоже.

— До войны в студии репетировал Гаева в «Вишневом саде» и Ромео в «Ромео и Джульетте». Правда, сыграть их не дала война. К сожалению, вернуться к этим образам в дальнейшем так и не удалось. Это, так сказать, мой личный, актерский счет войны... А какая роль любимая? Чем больше ролей, тем труднее отдавать предпочтение какой-то одной. Играл Нехлюдова в «Воскресении», Стиву Облонского в «Анне Карениной», Соленого в «Трех сестрах», Яшу в «Вишневом саде», Манилова в «Мертвых душах», прапорщика Абаба в «Бронепоезде 14-69»...

В каждый из этих образов вложен большой труд, работа над всеми памятна и дорога. И все же выделил бы Забелина в «Кремлевских курантах». У меня отношение к этому произведению особое. Постановку пьесы Погодина готовил еще мой отец. Но не успел, в 1941 году его не стало. Когда несколько лет назад возник вопрос о возобновлении постановки, ставить спектакль и играть Забелина поручили мне. Представляете, какая ответственная задача стояла передо мной?

— Вы, одишись в семье народного артиста СССР Леонида Мироновича Леонидова, одного из корифеев МХАТа, и проблемы выбора профессии, видимо, для вас не существовало?

— Еще как существовала. Отец не хотел, чтобы сын пошел его «каторжным» путем. Да и я, увлекшись еще в школе фотографированием, мечтал совсем о другой карьере, подал документы на операторский факультет ВГИКа. Только на собеседовании там

меня окончательно убедили, что мое место на сцене. И прожита на ней уже целая жизнь — более сорока лет. Мне повезло играть в родном МХАТе с такими великими мастерами сцены, как Качалов, Москвин, Книппер-Чехова, Тарасова, Зуева, Грибов, Ливанов... И, прямо скажу, рядом с ними трудиться было почетно, но очень ответственно. Ведь это — те же знаменосцы театрального искусства. Надо подчеркнуть и другое: эти актеры начинали и развивали военно-шефскую работу МХАТа.

— В конце войны, уже после того как вас отозвали с фронта в театр, вы тоже в составе фронтовой бригады мхатовцев выезжали в действующую армию, выступали перед бойцами. Прочные связи театра с Вооруженными Силами, как известно, и поныне. Театр даст шефские спектакли для воинов армии и флота в Москве, во время гастролей. Что вы можете сказать о военном зрителе?

— Выступая перед зрителями в военной форме, знаешь: это люди высокообразованные, широкой натуры, богатые духовно, несущие в себе мощный идейный заряд. И еще — люди дела и долга. Фальшь, поверхностное проникновение в образ армейский зритель распознает тут же, на «театральной мякине» его не проведешь. И поэтому встречи с ним дают многое. Если сказать коротко, о главном, то они заставляют нас, актеров, служить театру так, как они служат Родине, — самоотверженно, не жалея сил, со знанием своего дела. И с удовольствием играю для них на сцене, но всегда волнуюсь и непосредственные контакты с воинами. Особенно радует их интерес к фронтовой жизни, отношение к подвигу отцов и дедов. Пользуясь случаем, от всей души желаю им успехов в нелегком, но столь нужном ратном труде и большого человеческого счастья. Ведь сейчас как никогда верны слова (услышанные, кстати, во время одной из таких встреч): на плечах солдата не погони — судьбы человечества лежат.

Подполковник
А. ГАРАВСКИЙ,
корр. «Красной звезды».

Встречи по вашей просьбе

Юрий ЛЕОНИДОВ:

ОСТАВАТЬСЯ ВСЮ ЖИЗНЬ ЗНАМЕНОСЦЕМ

дии К. С. Станиславского, отказавшись от брони, ушли добровольцами на фронт. Воевали в зенитном артиллерийском полку, защищавшем небо столицы на западных подступах. Кстати, некоторое время наша часть находилась по соседству с панфиловцами.

Поначалу нас распределили в один орудийный расчет, который, конечно же, сразу окрестили актерским. Назову его состав: П. Глебов — ныне народный артист СССР, Г. Колчицкий — заслуженный артист РСФСР, мой товарищ по МХАТу, а также И. Беспалов, Л. Елагин, А. Кругляк и Г. Рево. Только командир у нас был из строевых, служил еще до войны. Впрочем, скоро и некоторых из нас назначили младшими командирами. Не один сбитый вражеский бомбардировщик на боевом счету нашего полка! А в самые трудные дни 41-го нас выдвигали на противотанковые позиции. Так что о войне знаем не понаслышке. Участие в ней закаляло наши характеры, помогло в формировании наших личностей. Горжусь, что, когда полку присвоили звание гвардейского, мне доверили быть знаменщиком.

Да и возможно ли не гордиться этим? Знаменщику доверяется священная часть, он лично ответствен за ее со-

быть впереди, быть знаменосцем всю жизнь.

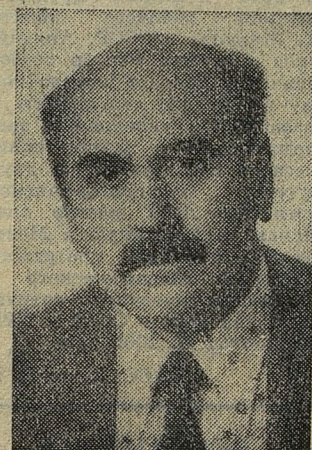
— Образ генерал-лейтенанта Звягина, созданный вами, Юрий Леонидович, в чем-то противоречив, не завершен психологически. Да и в сценарии он выписан фрагментарно, в виде своеобразных стоп-кадров: ситуация — поведение, новая ситуация — поведение. И все же вы, на мой взгляд, сумели подать своего героя в развитии, дали понять, что этого человека обстоятельства, война меняют и будут менять. В связи с этим хотелось бы спросить вас вот о чем: каким вы представляете Звягина, скажем, в конце войны?

— Неожиданный вопрос. И непростой. На такое длительное время, если честно, я судьбу своего героя не просматривал. За временные рамки действий, описанных Александром Беком, уходил, но не столь далеко. Думается, у Звягина судьба сложилась бы не просто, со срыми, ошибками, их осмыслением и преодолением. Но в целом характер развивался бы поступательно, в верном направлении. Война выпрямляла характеры, очищала людей нравственно, обладала в них самое существенное. Были, конечно, и исключения из этого правила. И все же я вижу генерала Звягина за пределами той категории

подводит и ваша работа над образом секретаря парткома в «Обратной связи» Гельмана. Там ваш Артюшкин тоже раскован, знает о своей работе, чувствуется, больше, нежели отведено рамками роли, хотя этот образ тоже не однозначен. Мне говорили ваши коллеги, что вас неоднократно избирали членом парткома театра, председателем группы народного контроля, председателем месткома...

— Все это мне, безусловно, помогло. В выборе манеры игры. В отборе интонационных красок разговорного материала. В каких-то деталях, нюансах поведения. Деталь, вообще имеет в искусстве огромное значение. Но истоки глубинного понимания образа секретаря парткома таятся все же, опять-таки, не только в наших днях, а исходят опять же из фронтового опыта. Знакомство, непосредственное общение с комиссарами, политруками, парторгами высветили для меня суть партийного работника, дали объемное представление о его деятельности. Во многом под воздействием облика этих людей я и подал в 1942 году заявление о приеме в партию.

Хорошо помню тот весенний день. Нас, нескольких бойцов и командиров, пригласили после очередной тренировки в выстуженную, сырова-

дню. Я могу их процитировать дословно. Вот какими мыслями в разгар Сталинградской битвы поделился с автором книги секретарь парткомиссии: «За эту неделю выбыло из партии, вернее, партия потеряла в нашем полку одиннадцать коммунистов. А приняла, знаете, сколько? Шестнадцать. Одиннадцать и шестнадцать — вот какой счет. Я ведь по гражданской своей профессии историк. И вот теперь частенько думаю, сколько разных партий существовало еще со времен античности... Росли, крепки, множилось, когда волна удач и конъюнктуры несла их вверх, когда принадлежность к ним сулила карьеру и всяческие земные блага. Но стоило судьбе повернуться к этим партиям спиной, они сразу же начинали хиреть, таять и вовсе распадались. Сколько такого помнит история!

А у нас, впервые с тех пор, как существует мир, это я вам как историк говорю, у нас наоборот...»

Правильные, убедительные слова. Вот в чем была сила